

УДК 94(571.17)«1883/1912»:631/635
DOI: 10.17223/19988613/64/3

А.Ю. Карпинец, А.Ю. Просеков

ЗЕРНОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО В РОССИИ И КУЗБАССЕ В ПЕРИОД КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ МАТЕРИАЛАМ УРОЖАЙНОЙ СТАТИСТИКИ

Исследование выполнено в рамках научной программы СО РАН: XII.190.2 «Историческое развитие Сибири в составе Российского государства: роль традиций и новаций»; проект: «Создание индустриальной базы на территории Кузбасса в конце XIX – первой половине XX вв. (№ гос. регистрации АААА-А17-117041410054-8).

Приводится сравнительный анализ урожаев хлебов в Европейской России и Кузбассе и делается вывод о несколько большей стабильности сельскохозяйственного производства на землях Кузнецкого и Мариинского округов, нежели в основных хлебопроизводящих губерниях страны, что связано с многоземельем, с более стабильным климатом в Кузбассе и с большей степенью дифференцированности местной сельской экономики.

Ключевые слова: зерновое производство; кузбасский регион; период «империализма».

Одним из главных вопросов российской жизни всегда был вопрос о хлебе насущном, как об этом верно писал министр земледелия и государственных имуществ России в начале XX в. А.С. Ермолов [1. С. 4].

Вместе с тем можно констатировать, что до сих пор есть на карте России территории, малоизученные с точки зрения аграрной истории. К таким регионам относится Кузбасс. Силами кузбасских историков во главе с З.Г. Карпенко хорошо изучен процесс индустриализации края, и он занимает заметное место в обобщающих сочинениях по истории Сибири. [2. Л. 49; 3. С. 5; 4. Л. 4; 5. Л. 88, 96–97, 104–105; 6. С. 203–205; 7. Л. 52; 8. С. 14]. Аграрная тематика не удостоилась столь глубокого внимания, разве что П.К. Редькин занимался вопросами сельского хозяйства Западной Сибири советского периода [9]. Следует отметить, что такое положение дел обуславливалось не региональным и даже не государственным, но глобальным трендом. Пик научно-практического интереса к проблемам сельского хозяйства пришелся на первую четверть XX в., после чего внимание к ним ослабело не только в нашей стране, но и во всем мире [10. С. 247–275].

Возрождение России в первой четверти XXI в. в качестве одной из ведущих зерновых держав возвращает в повестку дня некогда забытые вопросы отечественной аграрной сферы [11]. В этой связи, и попутно ликвидируя «белые пятна» в истории Кузбасса, на страницах предлагаемой статьи предпринята попытка отражения результатов исследования особенностей зернового производства в кузбасском регионе в конце XIX – начале XX в. Под термином «кузбасский регион» (Кузбасс) нами подразумевается пространство современной Кемеровской области, на рассматриваемое время включавшее большую часть территорий Кузнецкого и Мариинского уездов, а также южную окраину Томского уезда Томской губернии. Под термином «Россия» имеются в виду 50 губерний европейской части Российской империи. Главным источником информации

послужила зерновая статистика МВД, собираемая полицией и волостными правлениями, обрабатываемая губернским статистическим комитетом и органами губернского управления и публиковавшаяся в Приложениях к Всеподданнейшим отчетам Томского губернатора [12]. Обработка статистических данных, содержащихся в «Ведомостях о посеве и урожае хлебов», привела нас к составлению таблиц по 10-летиям: 1883–1892 / 1893–1902 / 1903–1912 гг. В данном случае мы придерживались рекомендаций авторитетного специалиста по аграрной истории России академика РАН Л. В. Милова (1929–2007), который полагал целесообразным осуществлять изучение отечественного земледелия XVIII–XIX вв. по 10-летним периодам. Его доводы базировались на следующем наблюдении: «...почти каждые три года в стране был неурожай разного масштаба. Вся палитра урожаев и неурожаев разных степеней в течение столетий примерно умещалась в десять лет» [13. С. 33]. В качестве основополагающей источниковой базы историк использовал урожайную статистику Центрального статистического комитета (ЦСК).

Не все специалисты – исследователи данной проблемы – однозначно солидаризировались с его позицией. К примеру, профессор М.А. Давыдов в 2003 г. писал: «Вопрос о достоверности урожайной статистики ЦСК МВД, как известно, был поставлен еще до революции, и уже тогда была хорошо известна ее сомнительность» [14. С. 50]. Мы, сознавая всю неоднозначность вопроса, с целью сопоставимости статистических сведений по России и Кузбассу и за неимением иных (по Кузбассу), склонны придерживаться концепции Л.В. Милова, оперировавшего статистическими данными по урожайности ведомства МВД. Результатом обработки статистических сведений об уровне урожайности зерновых и зернобобовых культур и картофеля (далее – ЗЗБКК), стали представленные ниже табл. 1–5 и диагр. 1–5.

Таблица 1

Зерновое производство в кузбасском регионе в 10-летний хронологический период 1883–1892 гг.

Год	Сев	Сбор	Сам-
ЗЗБКК (total)			
1883	250 623	579 032	2,3*/2,3
<i>1884</i>	<i>189 849</i>	<i>1 175 382</i>	<i>6,0/6,2</i>
1885	223 337	1 147 967	5,0/5,1
1886	219 092	1 132 191	5,0/5,2
1887	241 082	1 384 587	5,5/5,7
1888	242 940	761 255	2,8/3,1
<i>1889</i>	<i>226 255</i>	<i>1 381 386</i>	<i>5,9/6,1</i>
1890	265 322	1 273 322	4,7/4,8
1891	270 774	1 496 415	5,4/5,5
1892	276 519	1 428 099	5,1/5,2
\bar{x}	240 579	1 175 963	4,7/4,9

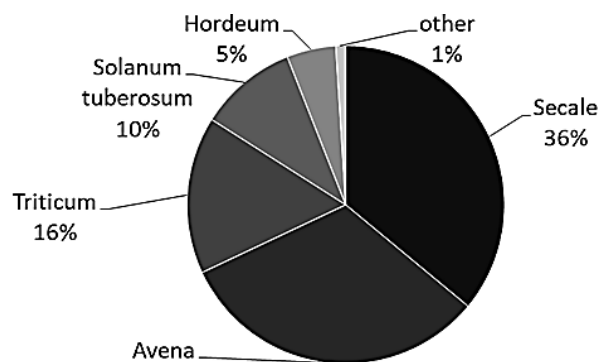

Диаграмма 1. Соотношение ЗЗБКК 1883–1892 гг.

Таблица 2

Зерновое производство в кузбасском регионе в 10-летний хронологический период 1893–1902 гг.

Год	Сев	Сбор	Сам-
ЗЗБКК (total)			
1893	278 128	1 301 933	4,6*/4,7
1894	287 838	1 416 783	4,9/4,9
1895	274 309	1 348 778	4,8/4,9
1896	342 366	1 981 986	5,7/5,8
1897	304 346	1 749 327	5,6/5,7
1898	408 862	1 895 271	4,5/4,6
<i>1899</i>	<i>345 945</i>	<i>2 092 373</i>	<i>6,2/6,0</i>
1900	323 369	1 034 179	3,0/3,2
1901	533 070	943 283	1,6/1,8
1902	213 522	1 044 158	5,0/4,9
\bar{x}	331 175	1 480 807	4,4/4,5

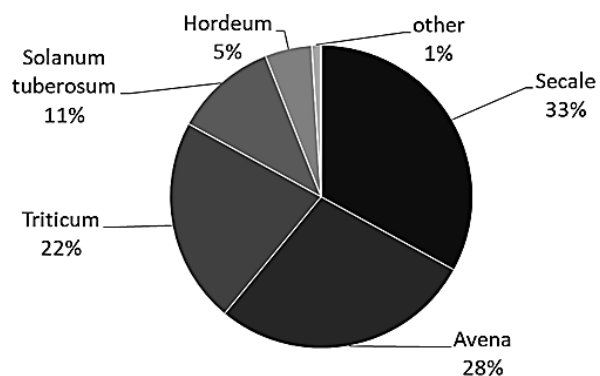

Диаграмма 2. Соотношение ЗЗБКК в 1893–1902 гг.

Таблица 3

Зерновое производство в кузбасском регионе в 10-летний хронологический период 1903–1912 гг.

Год	Сев	Сбор	Сам-
ЗЗБКК (total)			
<i>1903</i>	<i>322 825</i>	<i>2 032 285</i>	<i>6,1*/6,3</i>
1904	310 186	1 377 129	4,2/4,4
1905	288 532	1 543 511	5,0/5,3
1906	313 170	2 004 752	5,5/6,4
1907	330 400	1 862 353	5,3/5,6
1908	380 627	2 548 727	5,1/6,7
1909	437 236	1 644 384	3,5/3,8
1910	404 294	2 220 603	5,6/5,5
1911	482 428	2 440 006	5,1/5,1
1912	594 546	2 754 422	4,5/4,6
\bar{x}	386 424	2 042 817	5,0/5,4

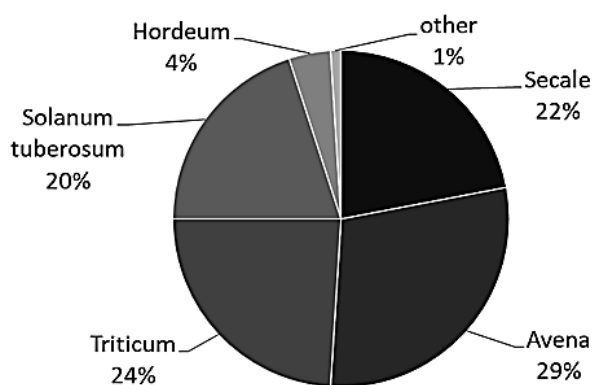

Диаграмма 3. Соотношение ЗЗБКК в 1903 – 1912 гг.

Примечания. Таблицы составлены нами по данным, приведенным в [12]. Измерение – в четвертях (≈ 8 пудов, 16,38 кг).

\bar{x} – медианное (среднее) значение. Сам-столько – в русской сельскохозяйственной статистике показатель, исчислявшийся посредством деления абсолютного количества сбора на абсолютное количество посева (измерения урожайности в «самах» оценивались еще дореволюционными исследователями как не вполне достоверные [15. С. 148–152], но это единственный стабильный показатель, который мы имеем за все 30-летие 1893–1912 гг.). % – процентное отношение валового сбора соответствующей культуры к общему валовому сбору ЗЗБКК. * – сам-столько только зерновых культур (без картофеля). Полушрифт начертание применено к тем годам, которые выдались неурожайными, курсивное – сверхурожайными. Латинские обозначения культур: пшеница яровая, а также озимая (triticum), рожь озимая, а также яровая (secale), ячмень яровой (hordeum), овес яровой (avena), картофель (solanum tuberosum).

Таблица 4

Урожайность зерновых культур в Европейской России в 30-летний период 1883–1912 гг.

Год	Посевная площадь, тыс. дес.	Сбор зерновых хлебов, тыс. пуд.	Урожай зерновых, пуд. с дес.	Норма урожая, пуд.	Отклонение от нормы	
					пуд.	%
10-летний хронологический период 1883–1892 гг.						
1883	58 840,9	2 072 623,7	35,2	35,1	+ 0,1	+ 0,5
1884	59 783,5	2 278 279,7	38,1	35,6	+ 2,5	+ 7,0
1885	59 957,4	1 933 505,1	32,2	36,1	– 3,9	– 10,8
1886	59 889,8	2 189 955,7	36,6	36,6	0,0	0,0
1887	60 015,3	2 545 408,8	42,4	37,0	+ 5,4	+ 14,6
1888	59 957,4	2 451 196,2	40,9	37,5	+ 3,4	+ 9,1
1889	59 828,0	1 860 560,4	31,1	38,0	– 6,9	– 18,2
1890	63 037,3	2 249 964,5	35,7	38,5	– 2,8	– 7,3
1891	63 481,0	1 756 079,9	27,7	39,0	– 11,3	– 29,0
1892	61 420,6	2 103 826,6	34,3	39,5	– 5,2	– 13,2
10-летний хронологический период 1893 – 1902 гг.						
1893	60 210,9	2 932 153,9	48,7	40,0	+ 8,7	+ 21,8
1894	60 167,5	2 969 763,1	49,4	40,5	+ 8,9	+ 22,0
1895	59 432,5	2 673 248,0	45,0	41,0	+ 4,0	+ 9,8
1896	62 693,1	2 726 592,0	43,5	41,5	+ 2,0	+ 4,8
1897	62 861,7	2 263 304,2	36,0	42,0	– 6,0	– 14,3
1898	62 733,5	2 629 223,9	41,9	42,4	– 0,5	– 1,2
1899	64 058,6	3 024 300,6	47,2	42,9	+ 4,3	+ 10,0
1900	66 291,5	2 949 770,9	44,5	43,4	+ 1,1	+ 2,5
1901	67 458,2	2 552 212,5	37,8	43,9	– 6,1	– 13,9
1902	67 430,2	3 452 311,2	51,2	44,4	+ 6,8	+ 15,3
10-летний хронологический период 1903 – 1912 гг.						
1903	68 723,6	3 207 885,6	46,7	44,9	+ 1,8	+ 4,0
1904	69 959,9	3 776 161,5	54,0	45,4	+ 8,6	+ 18,9
1905	70 475,3	2 995 182,6	42,5	45,9	– 3,4	– 7,4
1906	70 954,4	2 508 264,8	35,3	46,4	– 11,1	– 23,9
1907	69 641,9	2 938 243,4	42,2	46,9	– 4,7	– 10,0
1908	69 797,1	3 020 426,1	43,3	47,3	– 4,0	– 8,5
1909	70 213,9	3 883 226,3	55,3	47,8	+ 7,5	+ 15,7
1910	72 200,7	3 713 982,9	51,4	48,3	+ 3,1	+ 6,4
1911	72 969,2	2 908 542,2	39,9	48,6	– 8,9	– 18,2
1912	71 413,8	3 798 864,3	53,2	49,3	+ 3,9	+ 7,9

Примечания. Таблица составлена по данным, приведенным в [16. С. 56; 17. С. 33–34]. Полушрифное начертание применено к неурожайным годам, к которым мы относим те годы, в которых отклонение урожая от нормы составляло более 10%. Курсивное начертание применено к урожайным годам, в которых отклонение урожая от нормы составляло более 10%.

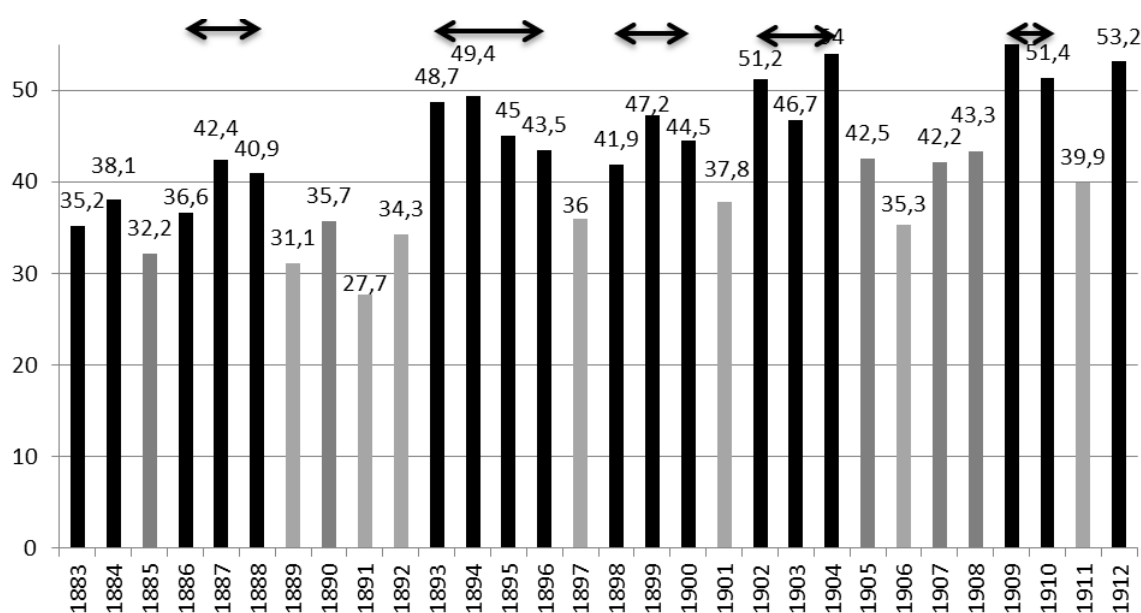

Диаграмма 4. Динамика урожайности зерновых культур в Европейской России в 30-летний хронопериод 1883–1912 гг.
(по вертикальной оси – урожай зерновых в пудах с десятины)

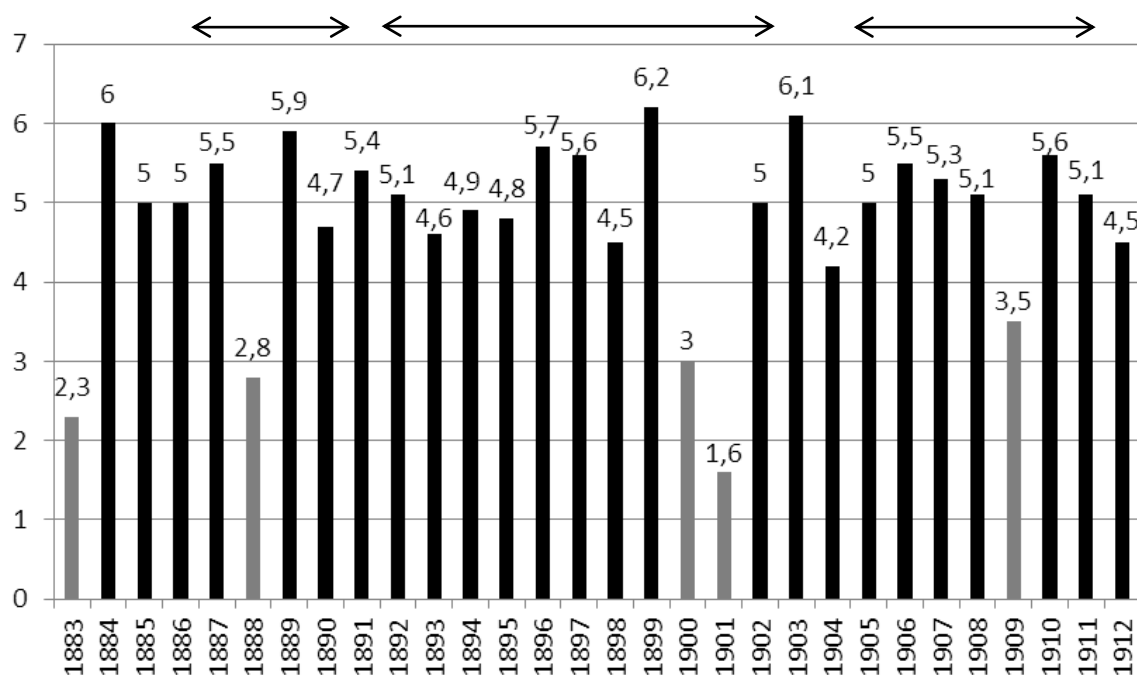

Диаграмма 5. Динамика урожайности ЗЗБКК в кузбасском регионе в 30-летний хронопериод 1883–1912 гг. (по вертикальной оси – урожайность ЗЗБКК, в сам-столько)

Примечания к диаграммам 4, 5. Измерительный показатель урожайности зерновых культур в Европейской России (диагр. 4) – «пуд с десятины». Измеритель урожайности хлебов в Кузбассе (диагр. 5) – «сам-столько». С самого начала организации урожайной статистики ЦСК стало ясно, что первый измеритель гораздо эффективнее, прежде всего потому, что он учитывал производительность земельных угодий, а также по ряду иных обстоятельств (см. напр.: Виноградова Н.М. Русская урожайная статистика // Вестник статистики. М., 1926. Кн. XXIII, № 10–12. С. 31–33). Зачастую при учете урожайности исчислялись и тот и другой показатели. В европейских губерниях страны все в большей мере в практический обиход входил учет урожайности в пудах с десятины, поэтому динамический ряд урожайности диагр. 4 представлен именно так. «Ведомости о посеве и урожае хлебов в Томской губернии», которые послужили источником информации для составления динамического урожайного ряда по Кузбассу, предоставляют возможность исчислять урожайность только в «самах». Несмотря на разницу в измерениях уровня урожайности в России и Кузбассе, мы все же полагаем сравнение возможным, пусть и не идеально точным. Несколько большая глубина неплодородных лет в Кузбассе в сравнении с Россией объясняется разностью сопоставимых территорий. В первом случае – это один регион, во втором – пятьдесят. Из 50 губерний Европейской России отдельные земли в большей мере были затронуты недородами, другие – в меньшей, где-то урожайность была нормальной. Поэтому в целом по 50 регионам степень недорода нивелировалась, а в одной отдельно взятой местности (Кузбасс) она, вполне естественно, была несколько глубже. Необходимость решения поставленных в рамках данного исследования задач позволила нам «закрыть глаза» на эти очевидные для ученого статистические погрешности.

Обзор таблиц и диаграмм, построенных по ним, привел авторов к ряду выводов. Диаграммы 4, 5 наглядно демонстрируют ту палитру, о которой писал Л.В. Милов. В каждом из десятилетий присутствуют хлебобордные и недородные годы, а также годы, когда урожайность была выше и ниже среднего за 10-летие показателя. Углубленный анализ вышеизложенных материалов обращает внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, в кузбасском регионе за 30-летие 1883–1912 гг. неурожайными выдались 5 лет: 1883, 1888, 1900, 1901 и 1909 гг. Примечательно, что все эти годы, кроме 1901 г., в европейских губерниях Российской империи были достаточно хлебобордными; напротив, те годы, которые к западу от Урала отмечены в качестве бесхлебных, в Кузбассе были вполне благоприятными. Среди таковых 1889, 1891, 1892, 1897, 1906 и 1911 гг. Таким образом, единственным совпавшим за период 1883–1912 гг. в России (т.е. в 50 европейских губерниях Российской империи) и Кузбассе неурожайным годом стал 1901 г., и это вопрос для отдельного рассмотрения.

Во-вторых, диагр. 4, характеризующая динамику урожайности зерновых культур в губерниях Европейской России, демонстрирует при общем росте урожайности периодические колебания. В самом деле, если в Кузбассе из 30 лет исследуемого периода 21 год (70%) зафиксирован в допустимых пределах урожайной нормы, а 9 лет (30%) оказались экстремально урожайными / неурожайными, то в России в границах средних величин «лежало» лишь 17 лет (57%), остальные были либо сверххлебобордными, либо критически неплодородными (табл. 5).

В попытках понять причины явления многочисленная народническая и социал-демократическая публицистика по этому вопросу излишне усугубляла и «приукрашивала» негативные последствия неурожая в Европейской России [14. С. 7–10; 18. С. 23–24, 35], но очевидно и то, что они являлись неотъемлемой составляющей социально-экономического состояния страны в границах рассматриваемого периода [1. С. 80–598; 15. С. 167–172; 17. С. 32–68; 19. С. 160–301; 21. С. 440–449].

Явление крайней неустойчивости урожаев в России и его негативные последствия подметили и раскрыли

современники, которые силились постичь его закономерности. В частности, Аба Иоэлевич Финн (Енотаевский) (1872–1943) утверждал, что впервые на периодичность колебаний урожаев в России указал Карл Маркс в письме к Николаю Францевичу Даниельсону в начале 1880-х гг. [20. С. 118, 440–441]. С тех пор данная проблема стала одной из самых актуальных, по-

скольку от ее решения зависело социально-экономическое благополучие аграрной страны. Ведь каждый непродуктивный сельскохозяйственный год, а в особенности их череда, имели своими трагическими последствиями снижение уровня благосостояния населения, повышение случаев заболеваемости и смертности в главных хлебопроизводящих районах страны [21].

Таблица 5.

Сравнительный анализ лет по уровню урожайности в России и Кузбассе в период 1883–1912 гг.

Европейская Россия				
20%	57%			23%
Сверхурожайность	Урожайность ↑ нормы	Норма урожайности	Урожайность ↓ нормы	Неурожайность
1887	1884	1883	1885	1889
1893	1888	1886	1890	1891
1894	1895		1898	1892
1902	1896		1905	1897
1904	1899		1907	1901
1909	1900		1908	1906
	1903			1911
	1910			
	1912			
Кузбасский регион				
13%	70%			17%
Сверхурожайность	Урожайность ↑ нормы	Норма урожайности	Урожайность ↓ нормы	Неурожайность
1884	1885	1890	1898	1883
1889	1886	1893	1904	1888
1899	1887	1895	1912	1900
1903	1891			1901
	1892			1909
	1894			
	1896			
	1897			
	1902			
	1905			
	1906			
	1907			
	1908			
	1910			
	1911			

Примечания. Таблица составлена на основании табл. 1–4. По уровню урожайности мы выделили 5 групп. Европейская Россия: согласно В.М. Обухову [16. С. 56; 17. С. 33–34], норма урожая здесь была в 1883 и 1886 гг. Отклонение урожаев от нормы более чем на 10% в ту или иную сторону позволило нам сформировать 2 группы: сверхурожайность и неурожайность. Все остальные годы распределены также между двумя группами: урожайность ↑ нормы и урожайность ↓ нормы. Кузбасский регион: медианный уровень урожайности в 30-летний хроно-период 1883–1912 гг. для зерновых культур (без картофеля) здесь был на уровне сам-4,7. Именно такой уровень урожайности зафиксирован в 1890, 1893 и 1895 гг. Отклонение от среднего уровня урожайности более чем на 1-сам в ту или другую сторону позволило нам сформировать 2 группы: сверхурожайность и неурожайность. Все остальные годы распределены также между двумя группами: урожайность ↑ нормы и урожайность ↓ нормы.

Также нельзя не учесть тот факт, что голодные годы – это, конечно, плохо, но и сверхурожайные – тоже нехорошо, поскольку тогда возникала проблема коммерчески эффективного сбыта продуктов крестьянского труда. Зерно значительно удешевлялось, и крестьяне, чтобы заплатить подати и оплатить повинности, вынуждены были распродавать урожай практически за бесценок. В хлебобродные годы хлебный (в основном пшеничный) экспорт был как раз тем выходом «лишнего» зерна из страны, но в неплодородные он автоматически превращался в «голодный». Таким образом, непостоянство урожаев зерновых культур дестабили-

зировало как каждое отдельно взятое крестьянское домохозяйство, так и экономическое состояние страны в целом.

Кризисные ситуации в сельском хозяйстве были пагубны еще и тем, что именно аграрная сфера являлась экономическим фундаментом развития столь необходимых в то время стране индустриализационных процессов [20. С. 109–112]. Удалось установить, и диагр. 4 это вполне отражает, что «голодные» годы в период 1883–1912 гг. постигали в основном юго-восточные и восточные губернии европейской части страны с неизбежностью примерно раз в 3–4 года [22. С. 8–9]. Пред-

ставим динамику явления: *неурожайный 1885 г. – через 3 года – неурожайная череда 1889–1892 гг. – через 4 года – неурожайный 1897 г. – через 3 года – неурожайный 1901 г. – через 3 года – неурожайная череда 1905–1908 гг. – через 2 года – неурожайный 1911 г.*

Каждый недородный год, а особенно их вереница, истощали благосостояние многих крестьянских хозяйств и приводили в конечном итоге к тому социально-экономическому явлению, которое получило название «голод» [23. С. 31–33]. По мнению ряда исследователей, столь суровая периодичность неплодородных лет была вызвана прежде всего естественным стремлением почвы к восстановлению своего плодородия в сочетании с неблагоприятными погодно-климатическими условиями [24. С. 335–336]. Выход виделся в увеличении инновационной составляющей отечественного земледелия и повышении агрономической культуры крестьянского населения [17. С. 59–63; 25. С. 32–33; 26. С. 136–220].

Для минимизации пагубного влияния негативных последствий погодных условий и прочих естественно-природных факторов на состояние отечественной аграрной сферы требовалась реализация целого комплекса мер по модернизации сельского социума, названного ведущим историком уральской деревни Г.Е. Корниловым [27. С. 243] «аграрным переходом». Процесс «перехода» предполагал серию социально-экономических, демографических, политико-правовых и культурных трансформаций, которые вывели бы отечественную аграрную сферу на качественно новый этап развития. Начало первой фазы агроперехода Г.Е. Корнилов связывает именно с периодом конца XIX – начала XX в. [28. С. 5; 29. С. 78–92; 30. С. 36–50].

В Кузбассе в это время, несмотря на резко континентальный климат региона [31. С. 4] и отсутствие практики удобрения почв [32. С. 4, 12, 18, 25, 32, 38, 46, 66; 33. С. 25; 34. С. 1], такой неумолимой циклической повторяемости неурожайных лет, оказывавшей столь разрушительное воздействие на сельхозпроизводителей южных и юго-восточных губерний Европейской России, не наблюдалось. Здесь за 30-летний период 1883–1912 гг. периодичность недородных лет была такова: *неурожайный 1883 г. – через 4 года – неурожайный 1888 г. – через 11 лет – 2 неурожайных 1900, 1901 гг. – через 5 лет – неурожайный 1909 г.* (см. диагр. 4).

Относительная стабильность урожаев и крайняя редкость многолетних недородов, по всей видимости, являлись следствием как минимум двух обстоятельств. Во-первых, несмотря на массовый наплыв переселенцев, в регионе все еще оставались невыпаханные целинные земли, дававшие более или менее стабильные урожаи и без применения агротехнологий [31. С. 40; 35. С. 202–205]. Во-вторых, специалисты оценивали качество целого ряда местных удобных для хлебопашества земель как «глубокие черноземы» [32. С. 4, 12, 18, 25, 32, 38, 46, 66; 33. С. 25; 35. С. 201], и крестьяне просто не видели необходимости внесения в почвы удобрений, будучи удовлетворенными получаемыми урожаями. Перечисленные факторы способствовали и

тому, что хлебодородных лет в Кузбассе было несколько больше, нежели в Европейской России (см. табл. 5).

Проблемы обнищания широких масс сельского населения вследствие периодически случавшихся бескормных лет еще не стали актуальными для кузбассовцев; гораздо острее здесь стояли вопросы землевладения и землепользования [36]. Таким образом, если в черноземных губерниях Европейской России государственные власти были вынуждены время от времени прибегать к дотированию земледельческих домохозяйств, и аграрный вопрос был здесь одним из самых острых, то в провинциальном Кузбассе в хронологических рамках исследуемого периода мы наблюдаем явление правительственных «хлебных» дотаций лишь единожды, когда было два подряд непродуктивных года в самом начале XX в. (см. табл. 2).

В единичные же неурожайные 1883, 1888 и 1909 гг. (в случае периодически возникавших затруднений) с неблагоприятными последствиями хлебных недородов в кузбасском регионе удавалось справиться с помощью существовавшей с этой целью системы хлебозапасных магазинов, которые выдавали крестьянам в ссуду зерно на семена и продовольствие.

Хлебозапасная сеть была создана в России еще в XVIII в., совершенствовалась в течение XIX в. и являлась одним из существенных факторов преодоления дефицита хлеба в условиях неплодородных лет [37. С. 12–15]. Количество хлебозапасных магазинов на территории Кузбасса на протяжении пореформенного периода значительно возросло. К 1861 г. в казенной деревне кузбасского региона (Мариинский округ) было 14 магазинов губернского ведомства, к которым значились причисленными около 20 тыс. крестьян. В их складах хранилось около 20 тыс. четвертей хлеба, более 13 тыс. находилось в ссудах [38. Л. 287]. К началу 1890-х гг. количество хлебозапасных магазинов в Мариинском округе увеличилось до 55 [39. Л. 473–477]. На землях Кабинета (Кузнецкий округ) в 1861 г. располагалось 5 магазинов губернского и 132 магазина (!) горного ведомства [38. Л. 287]. К 1887 г. их количество возросло до 173 (!), к ним были приписаны более 30 тыс. человек. Хлебозапасные магазины Кузнецкого округа в совокупности имели более 80 тыс. четвертей зерновых в запасе и более 60 тыс. в ссудах [40. С. 12]. Такие хлебные запасы вполне позволяли успешно решать продовольственные проблемы населения при иногда случавшихся однолетних аграрных кризисах.

Если циклические колебания урожаев зерновых культур в Кузбассе были несколько менее выражены, чем в России, то уровень урожайности был примерно идентичным. Медианная урожайность ЗЗБКК в кузбасском регионе в рассматриваемое 30-летие находилась на уровне сам-4,9 (в 10-летие 1883–1892 гг. – сам-4,9; в 10-летие 1893–1902 гг. – сам-4,5; в 10-летие 1903–1912 гг. – сам-5,4). Сознывая, что до предела упрощаем ситуацию, все же поясним: статистический урожайный показатель «сам-4,9» означал, что 1 брошенное в землю семя давало около 5 зерен сбора [41. С. 214]. Из них: 1 зерно потреблял человек, 1 зерно съедала мышь, 1 зерно шло на корм домашнему скоту, 1 зерно продавалось на базаре в счет уплаты податей и оплаты по-

винностей, наконец, 1 зерно оставалось «про запас», поставляясь в хлебозапасные магазины и пополняя общественный семенной и продовольственный фонд или оставаясь в личных запасах. Конечно же, указанное распределение не было до такой степени прямолинейным, но всегда зависело от конкретно взятых хо-

зяйственных обстоятельств года и региона. Несколько повышала общий уровень урожайности ЗЗБKK (злаковых и зернобобовых культур и картофеля) в кузбасском регионе достаточно высокая продуктивность картофеля. Средняя урожайность исключительно зерновых культур составляла здесь сам-4,7 (диагр. 6).

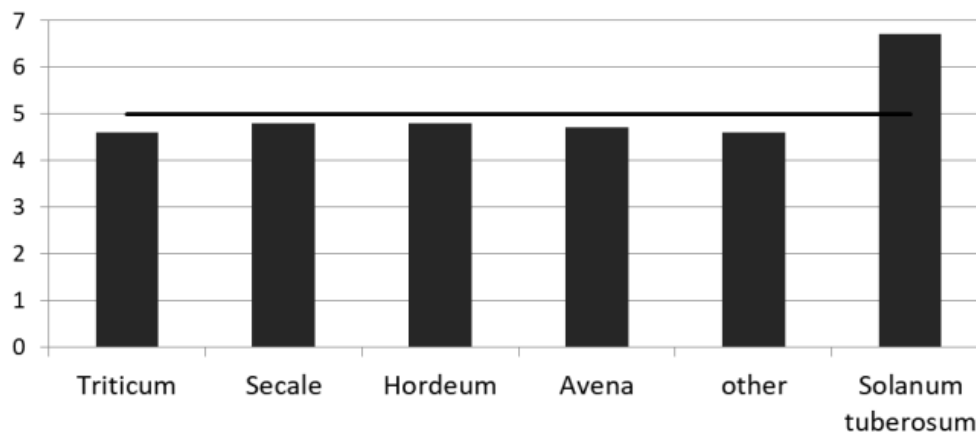

Диаграмма 6. Соотношение урожайности основных видов ЗЗБKK в кузбасском регионе в 1883–1912 гг. (в сам-столько)

Медианная за 1883–1912 гг. урожайность исключительно зерновых культур (без картофеля) в Кузбассе составляла сам-4,7 (в 1883–1892 – сам-4,7; в 1893–1902 – сам-4,4; в 1903–1912 – сам-5,0). Для сравнения: по данным статистика В.Г. Михайловского (1871–1926), в губерниях Европейской России средняя за аналогичный период продуктивность ЗЗБK находилась на уровне сам-4,9 [41. С. 211]. Таким образом, сравнительно низкая урожайность зерновых была характерна как для России, так и для Кузбасса, и была связана с общим достаточно низким уровнем агротехнологического развития страны как в центре, так и на местах.

Кузбасские земли давали несколько более стабильные, чем в европейских черноземных губерниях, но точно так же невысокие урожаи. Тем не менее в начале XX в. продуктивность ЗЗБKK в России и Кузбассе несколько выросла по сравнению с предшествующим периодом (см. табл. 1–4). Соответствующее увеличение мы связываем как с экстенсификацией, так и с интенсификацией земледельческого труда. Что касает-

ся Кузбасса, то, во-первых, крестьянские переселенцы здесь вводили в хозяйственный оборот массы целинных земель. Во-вторых, они привозили с собой и внедряли в производство сельскохозяйственные машины и улучшенные сорта семян. Все это способствовало общему повышению уровня урожайности ЗЗБKK в рассматриваемом регионе.

Исследование специфики зернового производства по десятилетиям позволило выявить тенденции, связанные с изменением объемов валовых сборов основных разновидностей сельскохозяйственных культур. Один из генеральных трендов, характерных как для кузбасского региона, так и для страны в целом, заключался в уменьшении посевов и, соответственно, валовых сборов ржи и, напротив, увеличении посевов и сборов пшеницы и картофеля. Несмотря на это, в России накануне Первой мировой войны основной зерновой культурой все-таки оставалась рожь, на втором месте овес, только потом – пшеница и ячмень [41. С. 221] (диагр. 7).

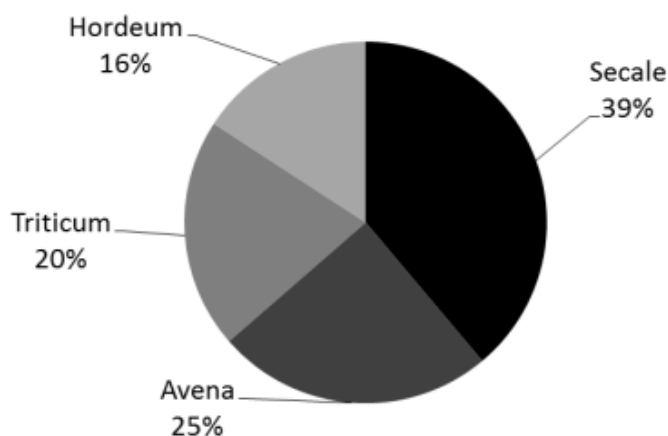

Диаграмма 7. Соотношение валовых сборов главных ЗЗБK в Европейской России накануне Первой мировой войны

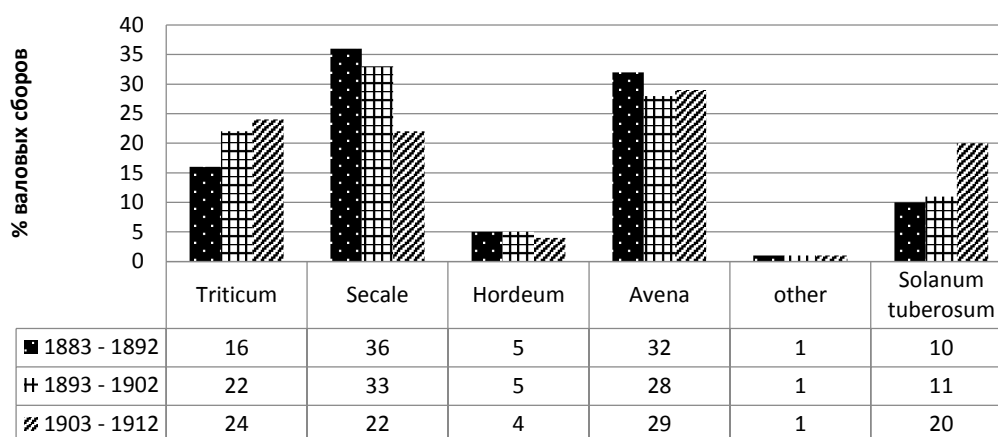

Диаграмма 8. Динамика валовых сборов разновидностей ЗЗБКК в кузбасском регионе по десятилетиям

В Кузбассе же в предвоенное десятилетие валовые сборы пшеницы (24%) «вышли» на второе место после овса (29%), пусть ненамного, но все же обогнав ржаную культуру (22%). Генеральная зерновая тенденция кузбасского региона хронологического периода конца XIX – начала XX в. ясно и вполне наглядно прослеживается на диагр. 8. Представленная диаграмма демонстрирует: за 30-летие посевы пшеницы в кузбасском регионе возросли, ржи, напротив уменьшились, и в 1903–1912 гг. посевы пшеницы в среднем уже превосходили посевы ржи, по крайней мере не уступали им.

Следует отметить, что по соотношению зерновых культур «пшеница–рожь» кузбасский регион не был однороден, он четко делился на две части: южную и центральную (Кузнецкий уезд) и северную (Мариинский уезд). Север Мариинского уезда (севернее Транссиба) представлял собой заболоченную и залесенную местность, климатические условия которой отличались суровостью и крайней нестабильностью [42. С. 3]. В связи с этим оптимальной зерновой культурой здесь была озимая рожь, способная вызревать и приносить неплохие урожаи в условиях холодного и влажного северного климата [43. С. 3]. Южнее Транссиба местность уезда «переходит в типичную колковую лесостепь на черноземах» [31. С. 32], поэтому здесь помимо озимой ржи высевалась и яровая пшеница, которая выращивалась в основном на продажу и отправлялась по «железке» на «Запад», но все-таки основной культурой Мариинского уезда была озимая рожь.

Хорошо продемонстрировал различие между обозначенными частями Кузбасса М.Г. Александровский в своих «Очерках природных условий сельского хозяйства Томской губернии», опубликованных в середине 1920-х гг. «Что касается полевых культур, – писал он, – то большее или меньшее развитие главных из них обуславливается, главным образом, продолжительностью вегетационного периода и характером почвы и снегового покрова. Поэтому в Мариинском уезде преобладающее место в полевом посеве занимает озимая рожь как мирящаяся с сравнительно суровыми условиями климата и бедными почвами, но требующая прочного снегового покрова, и поэтому удающаяся лишь в закрытых местах, где снег не сдувается с поля ветром. В Кольчугинском же уезде (Кузнецком на рас-

сматриваемое нами время. – А.К., А.П.) главным хлебом является яровая пшеница, требующая много тепла, открытых мест и плодородной почвы. Поскольку в северных уездах пшеница удается не всегда и не на всех почвах, постольку озимая рожь в степи плохо удается из-за выдувания снега на полях» [Там же. С. 43]. Выводы М.Г. Александровского вполне подтверждаются данными урожайной статистики [12]. Таким образом, исключительно в силу специфики почвенно-климатических условий север Кузбасса был по большей части «ржаной», а центр и юг – преимущественно «пшеничными». Также нельзя не отметить, что в начале XX в. в Кузбассе вдвое увеличились посевы картофеля по сравнению с предшествующим десятилетием. Итак, на основании анализа соотношения валовых сборов зерновых можно сделать вывод о том, что современная структура посевов ЗЗБКК в Кузбассе, когда преобладающими культурами являются пшеница и картофель, начала формироваться именно в начале XX в.

Отдельной строкой следует охарактеризовать кризисные в Кузбассе два года подряд – 1900 и 1901 гг. Это было неординарное и экстремальное для региона событие. Как мы уже писали, цепочка неплодородных лет была настоящей катастрофой для отечественного сельского хозяйства. Одни из самых негативных примеров в данном ряду – 1889–1892 и 1905–1908 гг. В целом невысокий уровень урожайности в России [15. С. 162–166, 172] и замкнутость крестьянских хозяйств черноземных губерний исключительно на зерновом производстве [44. С. 92–96, 143–144] способствовали тому, что население еще могло пережить один недородный год, но их череда сразу же приобретала характер «народного бедствия» [44]. В кузбасском регионе оно имело место в самом начале XX в. Повторяемость крупных неурожаев в России в начале каждого нового 10-летия в период конца XIX – первой трети XX в. – это особая тема. Среди таковых неурожаи 1891, 1901, 1911 гг., позднее – 1921 г. Один из специалистов ЦК Помгол при Президиуме ВЦИК в начале 1920-х гг. предсказывал продовольственный кризис начала 1930-х гг. следующим образом: «Если посмотреть на прошлые неурожайные годы в России, то с математической точностью можно было предсказать, что текущий 1921 г. будет полностью неурожай-

ным. Достаточно вспомнить голодные 1891, 1901, 1911, 1921, чтобы с полной уверенностью предусмотреть и будущее – 1931 год...» [45. Л. 195]. На данное явление обратили внимание и современные климатологи, указав на неурожайные 1951, 1981 и 1991 гг. [46].

1900 год в Кузбассе выдался неплодородным вследствие засушливых явлений. Самым высоким, как обычно, оказался урожай картофеля, который был на уровне сам-4,8. Ниже была урожайность ржи – сам-3,4. Совсем низкой – овса и ячменя – по сам-2,9, пшеницы – сам-2,8, остальных зерновых культур – сам-1,6. Средняя урожайность года, таким образом, составила всего сам-3,2. Получается, что недород 1900 г. повторил неурожай 1883 г. (см. табл. 1, 2). Существенная же разница между 1883 и 1900 гг. заключалась в том, что в первом случае население справилось с последствиями недорода собственными силами, а во втором была запрошена правительственная помощь. В Приложении к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора за 1883 г. сообщалось: «Население в такие неурожайные годы не ощущает особенно недостатка в хлебе благодаря запасам его, сохраняющимся от урожаев прежних лет. Как бы ни был плох урожай хлебов, его, в особенности с запасами, оставшимися от урожаев прежних лет, всегда хватает не только для продовольствия местного населения, но и для винокурения и для вывоза в другие восточные губернии» [47. С. 2–3]. Спустя 17 лет в аналогичном документе за 1900 г. звучали прямо противоположные оценки: «Продовольствие населения даже при принятии в расчет хлебных запасов прежних лет не могло быть обеспечено полученным урожаем, почему явилась необходимость в исходатайствовании правительственной помощи» [48. С. 3]. С целью «выдачи пострадавшему от неурожая населению Томской губернии ссуд как на продовольствие, так и на обсеменение полей» МВД в конце 1900 г. на счет Томского губернского казначейства была переведена денежная сумма в размере 363 тыс. руб. Из них в распоряжение крестьянских начальников I и III участков Мариинского уезда было переведено 3,5 тыс. руб. Отвечая на закономерный вопрос: «Много это или мало?» – нелишне напомнить, что цена лошади в это время равнялась 20 руб. [49. С. 3–4, 8] Поэтому, думается, скорее много, чем мало.

В следующем – 1901 г. – засуха повторилась, и очередной, повторный, неурожай принял буквально катастрофический характер. Дело в том, что экономическое положение крестьянских хозяйств было уже значительно подорвано недородом предшествующего года. В связи с этим в 1901 г. заметно сократилась площадь посевных площадей, поскольку сеять было

фактически нечего, но и то, что посеяли, снова не уродилось. За счет правительственных семенных ссуд был осуществлен значительный досев ржи, пшеницы, овса, но и он не принес положительных результатов (см. табл. 2). В конечном итоге в 1901 г. урожайность овса была сам-2,9, ржи – сам-1,2, пшеницы – сам-1,1, ячменя – сам 0,6, прочих зерновых и зернобобовых культур – сам-0,2. Это была самая низкая урожайность зерновых культур в кузбасском регионе за все рассматриваемое 30-летие. В очередной раз немного подсластил сию горькую пилулю картофеля, уродившийся на уровне сам-3,4. Следует отметить, что в эти два неурожайных года картошка в Кузбассе окончательно зарекомендовала себя как достаточно надежная культура, вполне способная страховать посевы зерновых. В 1900/1901 гг. урожай пасленовых клубней впервые составил 16,5% от валовых сборов ЗЗБKK в регионе, поэтому совершенно не случайно, что посевы поистине становящимся «вторым хлебом» картофеля в 10-летие 1903–1912 гг. в среднем увеличились вдвое по сравнению с предшествующим временем. Отныне «земляное яблоко» начало своё триумфальное шествие по кузбасским полям, и не даром. К примеру, в 1906 г. оно дало урожайность сам-10,7, а через год, в 1908 г., в Мариинском уезде урожайность картофеля составила сам-32 (!) [50, 51]. (Кстати, мировой рекорд по валовым сборам клубненосного паслена был установлен в 1942 г. все в том же Мариинском районе; тогда урожайность картофеля составила порядка сам-57 (!) [52].) Как в 1900, так и в 1901 г. от недорода пострадало в основном население государственной деревни кузбасского региона (большая часть Мариинского уезда кроме его восточной части и южная окраина Томского уезда), причем по большей части переселенцы [49. С. 4, 6–7]. В период 1880-х – начала 1890-х гг. на указанной территории было сформировано 40 новых населенных пунктов, в которых водворились крестьянские мигранты в основном из европейских губерний страны [53. С. 34–36]. За 1882–1893 гг. в этих поселках поселилось более 10 тыс. жителей [54. С. 33–345; 55. С. 18, 34, 50, 66, 82, 98, 114, 130, 146, 162; 56. С. 1–36; 57. С. 2]. Именно переселенческие хозяйства были самыми уязвимыми к хлебным недородам, поскольку до 80% переселенцев прибывали на место водворения практически без собственных денежных средств. Работая поначалу в хозяйствах старожилов, многие из них не имели собственной запашки и были вынуждены закупать хлеб [58. С. 214–233]. Цена же на него в 1901 г. резко подскочила. В Кузнецком уезде цены на зерно выросли втрое, в Мариинском – почти вдвое; в целом по региону – почти в 2,5 раза (табл. 6).

Таблица 6

Стоимость основных зерновых культур в кузбасском регионе в 1900–1901 гг. (коп. за пуд) [48. С. 4; 49. С. 10]

Уезды	Рожь		Пшеница		Овёс	
	1900	1901	1900	1901	1900	1901
Кузнецкий	20–50	70–140	25–70	90–160	14–42	70–100
среднее	35	105	47	125	28	85
Мариинский	40–45	40–100	60–65	60–130	40–45	40–110
среднее	42	70	62	95	42	75
Кузбасс	30–47	55–120	42–67	75–145	27–43	55–105
среднее	38	87	54	110	35	80

Таким образом, являя собой в экономическом плане самый слабый элемент [59], именно недавно переселившиеся в регион крестьяне стали главным адресатом правительственной помощи. Поскольку в границах казенной деревни Кузбасса крестьянских мигрантов расселилось значительно больше, чем в рамках кабинетской, постольку жители Кузнецкого уезда и запросили правительственного продовольственного содействия в гораздо меньших размерах. В 1900 г. местное население Кабинета вообще не требовало никаких вспомогательных пособий, а в 1901 г. продовольственные и семенные ссуды запросило более 3 тыс. семей. В Мариинском же уезде хлебные ссуды от правительства затребовало более 30 тыс. домохозяйств, т.е. в 10 раз больше, чем в Кузнецком. Из 7 уездов Томской губернии только из Барнаульского поступило запросов на ссуды больше, чем из Мариинского, но там и численность населения была большей. Вся продовольственная операция в регионе была возложена на местных крестьянских начальников. Они должны были возбуждать перед Томским губернским управлением ходатайства о разрешении ссуд, проверять хозяйственное положение просителей, закупать хлеб, руководить его доставкой на места и производить непосредственные выдачи. С этой целью крестьянским начальникам Кузнецкого уезда была ассигнована денежная сумма размером в 12 тыс. руб., а начальникам Мариинского уезда – 45 тыс. руб. Кроме того, начальнику II участка Кузнецкого уезда было отпущено около 2 тыс. руб. для организации продовольственной помощи инородцам. Итого, порядка 60 тыс. руб. бюджетных денежных средств было израсходовано на проведение продовольственной кампании 1901 г. в Кузбассе. Напомним, что в прошлом, 1900 г., соответствующая сумма равнялась 3,5 тыс. руб., но тогда и цены на хлеб держались в обычных пределах.

Помимо продовольственного содействия в пострадавших районах Кузбасса были организованы общественные работы, за выполнение которых потерпевшим от неурожая крестьянам выплачивалась заработная плата. В марте 1901 г. в Мариинский уезд прибыл инспектор Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах с целью организации в уезде различного рода земляных и лесных работ на сумму более 5 тыс. руб. Поскольку продовольственный кризис в наибольшей степени ощутили на себе переселенцы, им и нужно было в первую очередь предоставлять дополнительный заработок. Одной из серьезных проблем для мигрантов, проживавших в специально сформированных переселенческих поселках, было отсутствие связи со старожильческими населенными пунктами вследствие крайней неудовлетворительности дорожных сообщений. В этой связи было решено убить сразу двух зайцев: во-первых, руками самих крестьян возвести необходимые дорожные сооружения, во-вторых, предоставить пострадавшему от недорода населению оплату их труда по строительству дорог. В этом плане в Мариинском уезде был произведен довольно значительный объем работ. В частности, были расширены дорожные просеки, устроены мосты, гати на дорожном полотне от старожильского села Васина до пе-

реселенческих поселков Трофимовского и Топкого Ручья. За это дело работникам было выплачено в общей сложности около 1 тыс. руб. Также были проложены две новые дороги на переселенческие участки Нефёдовский и Абрамовский Сусловской волости, уже зачисленные за дорогами, но бывшие ранее недоступными для колесного сообщения. Здесь была произведена просека, устроены гати, проложены два моста через р. Тяжин. За это рабочим было выплачено более 2 тыс. руб. Помимо того, была поставлена задача обустройства дорожного сообщения со вновь отведенными переселенческими участками по р. Альбедете. Здесь строители получили за свои работы более 1 тыс. руб. и т.д. Нельзя не отметить еще один вид благотворительной деятельности Комитета попечительства о домах трудолюбия и работных домах: открытие в наиболее пострадавших от недорода селениях яслей-приютов для содержания и прокормления голодных детей. Одни из таких яслей были открыты в с. Колыоне Мариинского уезда. Кроме того, на благотворительные пожертвования в г. Кузнецке было учреждено Особое попечительство для оказания [продовольственной] помощи населению Кузнецкого уезда, которое устраивало специальные столовые [48. С. 3–4; 49. С. 3–10].

Таким образом, в самом начале XX в. впервые в Кузбассе была реализована широкомасштабная продовольственная кампания по поддержке населения, пострадавшего от неурожая, ставшая уже, к сожалению, привычной в юго-восточных и восточных губерниях Европейской России. Возникает логичный вопрос: «Почему же в прежние неплодородные годы (1883, 1888) население справлялось с неурожаями без правительственных дотаций, за счет собственных внутренних резервов, а теперь – нет»? Что же изменилось за 10-летие 1890-х гг.? Почему оценки уровня обеспеченности населения продовольствием вследствие неурожайных лет в 1900/1901 гг. поменялись на диаметрально противоположные в сравнении с 1883 и 1888 гг.?

Достаточно квалифицированный ответ представляет правительственный агроном по Томской губернии Иосиф Константинович Окулич (1871–1949). Чтобы продемонстрировать влияние Великого сибирского пути на состояние сельского хозяйства в кузбасском регионе позволим себе привести его мнение почти целиком. В предисловии к «Краткому сельскохозяйственному обзору Томской губернии за весенний период 1901 года по данным текущей статистики» он пишет: «...печальной памяти 1900–1901 гг. являются временем первого крупного перелома в Западно-Сибирском народном хозяйстве. Неурожай, как известно, были и до 1900–1901 гг., но от них население не страдало так, как ныне, из деревни не шли страшные вести о голоде, о разорении целых семей, о гибели скота, о недостатке посевных семян; глубокого влияния на народное хозяйство эти неурожай не оказывали. Население здесь обладает большим количеством земли, оно еще не расслоилось на эксплуатирующую и эксплуатируемую часть, общинная связь в деревне еще сильна, словом, здесь все данные за то, что у нас нет и долго не будет такой части населения, которая в России и в урожайные годы стоит на краю голода – деревенского проле-

тариата, и за то, что неурожаи будут пережиты населением без серьезного потрясения хозяйства. На деле же оказалось совсем другое: один-два года крупного неурожая – и население требует обильной государственной помощи, хозяйство края переживает тяжелый кризис. Очевидно, была глубокая причина, изменившая положение деревни, если население теперь оказалось неспособным бороться со случайностями недорода. Такой причиной могло быть только торжественное вступление капитала в сибирскую деревню, вызванное проведением Великого сибирского рельсового пути. Азарт первоначального периода капиталистической эксплуатации нетронутых богатств обширной страны охватил массу российских, иностранных и местных капиталистов, вызвал огромный отлив хлебных и иных естественных запасов из Сибири в Россию и за границу. Капитал пока почти ничего не дал Сибири, а только увозил из нее то, что в ней и до него было, пустил в оборот мертвые капиталы страны и тем поставил более бедную часть населения в бедственное положение при первом же неурожае, когда явилась потребность в использовании местных запасов хлеба. Вот почему, нам кажется, первый серьезный неурожай поставил население лицом к лицу с нуждой, вызвал необычайный подъем цен на хлеб и распродажу скота и может быть причиной серьезной ломки народного хозяйства» [60. С. 3–4]. Мнение И.К. Окулича представляется нам в определенной степени верным, но несколько односторонним. Он указал лишь на факт негативного влияния Транссиба на сельское хозяйство сибирской глубинки, но была и другая сторона.

В Приложении к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора за 1889 г. отмечается: «Предыдущий – 1888 год был год неурожайный, [в результате в 1889 г.] семян не хватило не только для посева, но даже и для продовольствия жителей». Между тем о каком-либо правительственном содействии пострадавшим от неурожая с целью обеспечения их семенами и продовольствием в указанном Обзоре нет ни единого слова, по той причине, что его попросту не было. В 1900 г. ситуация была уже кардинально иной. Населению Томской губернии и Мариинского уезда в частности была оказана «правительственная помощь, развившаяся в ассигновании соответствующих кредитов, из которых производилась, по распоряжению местного губернского начальства, выдача ссуд как на продовольствие, так и на обсеменение полей» [48. С. 3]. Оказание государственного содействия пострадавшим от неурожая крестьянам мы связываем не только с вывозом из губернии хлебных запасов, но и с распространением на жителей Сибири нового продовольственного закона 1900 г. [1. С. 224–228]. Таким образом,

Транссиб, связавший западную и восточную части страны железнодорожной линией, интегрировал вторую в единый народно-хозяйственный организм. Теперь «восточные окраины» страны включались в общееимперское правовое и экономическое пространство. Проводя аналогии с Европейской Россией, можно заключить, что неурожайное двухлетие 1900/1901 гг. в Томской губернии в целом и в кузбасском регионе в частности по уровню «переломности» события можно сравнить с таким явлением как «царь-голод» 1891/1892 гг. Именно в начале 1890-х гг. в России как во время, так и после «голода» впервые столь остро и однозначно были поставлены вопросы о продуктивности отечественной аграрной сферы и необходимости ее совершенствования и развития. Спустя десятилетие данная проблема достигла и кузбасской провинции.

Нельзя не отметить, что была и существенная разница между Россией и Кузбассом, которая заключалась в том, что на территории первой череда недородных лет повторилась в период первой русской революции, в Кузбассе же в начале века такого больше не наблюдалось. Десятилетие 1903–1912 гг. в кузбасском регионе отличалось исключительной плодородностью (см. табл. 3). Тем не менее следует признать, что агроном И.К. Окулич сделал вполне правильные замечания «на вырост». Проникновение (вместе с Транссибом) капитализма в Сибирь в целом и Кузбасс в частности и, таким образом, включение зауральских территорий в общероссийский рынок, расселение здесь десятков тысяч «расейских» крестьянских мигрантов – все это изменило привычные условия хозяйствования в сибирской глубинке и требовало реформ в ее аграрной сфере. С одной стороны, Трансб и переселенцы принесли вместе с собой остроту российского «крестьянского вопроса» в провинциальные районы страны, в том числе и на пространства кузбасского региона, с другой – они вдохнули новую жизнь в «восточные окраины». Сибирь и Кузбасс как ее составная часть, до сих пор стоявшие как бы особняком, теперь все более интегрировались в состав России, включаясь не только в российскую, но и в международную систему хозяйственных связей, что несло в себе как новые угрозы, так и, безусловно, дополнительные возможности. Великий сибирский путь оказался не просто железной дорогой, он стал своеобразным трансфером качественно новых социально-экономических связей и отношений. Поэтому в начале XX в. как никогда ранее требовались разработка и реализация новой и хорошо продуманной стратегии по эффективному включению Сибири и Кузбасса в общееимперскую экономическую систему и их развитию в составе Российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб.: Тип. В. Киришаума, 1909. Ч. I: Продовольственное дело в прошлом и настоящем. 599 с.
2. Об организации в Кемеровском педагогическом институте Министерства просвещения РСФСР специальности «История» и о прекращении приема в Сталинский педагогический институт по той же специальности : приказ по Министерству высшего образования СССР 19.04.1954 № 229 // Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-104 (Кемеровский педагогический институт Министерства просвещения РСФСР). Оп. 1. Д. 10 «А» (Приказы Министерства высшего образования СССР, Министерства просвещения РСФСР). 01.01.1954–31.12.1954. 158 л.

3. Волчек В.А., Щербакова Ю.С. Жизненный путь З.Г. Карпенко: человек, исследователь // Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко) : материалы регион. науч. конф. (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) / отв. ред. В.А. Волчек, А.М. Адаменко. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006.
4. Штатный формуляр профессорско-преподавательского состава Кемеровского педагогического института на 1956–57 уч. год // ГКУКО ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 11 «А» (Книга штатных формуляров профессорско-преподавательского состава Кемеровского пединститута за 1954–1955, 1955–1956, 1956–1957 уч. г.). 1954–1957. 61 л.
5. Отчет о работе Кемеровского государственного педагогического института за 1955–56 уч. год // ГКУКО ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 18 «А» (Отчет о работе Кемеровского государственного педагогического института). 1955–1956. 233 л.
6. Карпенко З.Г. Об изучении истории Кузбасса // Вопросы истории. 1957. № 6.
7. Отчет о работе Кемеровского государственного педагогического института за 1958–59 уч. год // ГКУКО ГАКО. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 38 «А» (Отчет о работе Кемеровского пединститута). 1958–1959. 83 л.
8. Заболотская К.А. Зинаида Георгиевна Карпенко и становление историографии индустриального развития Кузбасса Сибирь в истории России (к 100-летию Зинаиды Георгиевны Карпенко) : материалы регион. науч. конф. (Кемерово, 29 сентября 2006 г.) / отв. ред. В.А. Волчек, А.М. Адаменко. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006.
9. Редькин П.К. Преображенная деревня. Создание и укрепление материально-технической базы социалистического сельского хозяйства в Западной Сибири (1929–1937 гг.). Кемерово : Кемеров. кн. изд-во, 1977. 176 с.
10. Кирчик О.И. Дисциплинарные границы как границы символические: случай аграрной экономики // Символическая власть: социальные науки и политика. Socio/ЛОГОС'2011 : сб. ст. / сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М. : Университетская книга, 2011. 348 с.
11. Путин В.В. Обращение по случаю Дня работника сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности 08.10.2017 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55792> (дата обращения: 10.05.2018).
12. Ведомость о посевах и урожае хлебов в Томской губернии за 1883–1912 годы // Обзор Томской губернии за 1893–1912 годы : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1894–1913.
13. Милов Л.В. О некоторых методологических аспектах изучения аграрного рынка второй половины XVIII – первой трети XIX вв. // Проблемы источниковедения и историографии : материалы II научных чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко. М. : РОССПЭН, 2000.
14. Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб. : Алетей, 2016. 1080 с.
15. Лохтин П.М. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами: итоги к XX веку. СПб. : Тип. Министерства путей сообщения, 1901. 369 с.
16. Обухов В.М. Движение урожаев зерновых культур в Европейской России в период 1883–1915 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России / под общ. ред. В.Г. Громана. М. : Тип. рабочего изд-ва «Прибой» им. Евг. Соколовой, 1927. Ч. I.
17. Просеков А.Ю. Проблемы продовольственных кризисов России и опыт их решения. Кемерово : Кемер. Технолог. Ин-т пищевой промышленности (университет), 2018. 240 с.
18. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб. : Алетей, 2010. 830 с.
19. Череванин Ф.А. Влияние колебаний урожаев на сельское хозяйство в течение 40 лет – 1883–1923 гг. // Влияние неурожая на народное хозяйство России / под общ. ред. В.Г. Громана. М. : Тип. рабочего изд-ва «Прибой» им. Евг. Соколовой, 1927. Ч. I.
20. Финн-Енотаевский А.Ю. Современное хозяйство России (1890–1910 гг.). СПб. : Изд. М.И. Семенова, 1911. 527 с.
21. Влияние неурожая на народное хозяйство России / под общ. ред. В.Г. Громана. М. : Тип. рабочего издательства «Прибой» им. Евг. Соколовой, 1927. Ч. II. 200 с.
22. Просеков А.Ю. Ретроспективы голода: уроки прошлого и вызовы будущего // Техника и технология пищевых производств. 2017. Т. 47. № 4. С. 5–20.
23. Просеков А.Ю. Научное осмысление голода в XVIII–XX вв. и формирование продовольственной политики России // Пищевая промышленность. 2018. № 1. С. 30–34.
24. Николай – Он (Даниельсон Н.Ф.) Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб. : Тип. А. Бенке, 1893. 353 с.
25. Просеков А.Ю. Дореволюционное, советское и современное законодательство в сфере продовольственной политики // Пищевая промышленность. 2018. № 3. С. 32–35.
26. Ермолов А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1909. Ч. II: Итоги прошлого и задачи будущего. 145 с.
27. Аграрная история XX века : историография и источники. Самара : Самарский университет, 2014. 486 с.
28. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // Уральский исторический вестник. 2008. № 2. С. 4–14.
29. Корнилов Г.Е. Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты // История науки и техники. 2018. № 1. С. 36–50.
30. Корнилов Г.Е. Аграрный переход в России в XX веке: особенности, темпы, результаты // История науки и техники. 2018. № 2. С. 78–92.
31. Александровский М.Г. Очерк природных условий сельского хозяйства Томской губернии // Экономические очерки Томской губернии: Томский губисполком V губернскому Съезду Советов. Томск, 1925. 263 с.
32. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа : отчет. / сост. Н.А. Ваганов, А.П. Ухтомский. [СПб. : б. и., 1886]. Ч. II: Кузнецкий округ. 74 с.
33. Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа: отчет. Сост.: Н. А. Ваганов, А. П. Ухтомский. [СПб.]: [б. и.], [1886]. Ч. III. Томский округ. 35 с.
34. Обзор Томской губернии за 1893 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1894. 75 с.
35. Карпинец А.Ю. Земледелие на территории Кузбасса в период 1880-х – начала 1890-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-2 (59). С. 201–209.
36. Карпинец А.Ю. Крестьянское землепользование и земледелие в Кузбасском регионе в «пореформенный» период 1860-х – начала 1890-х гг.: проблемы и особенности состояния и эволюции // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 235–248.
37. Просеков А.Ю. Хлебозапасная система в дореволюционной России: формирование и совершенствование // Пищевая промышленность. 2018. № 2. С. 12–15.
38. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234 (Томский губернский статистический комитет). Оп. 1. Д. 9 а (Статистические сведения по Томской губернии за 1861 г.: материалы к Приложению к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора / Положения о губстаткомитете, статсведения по округам, табели о народонаселении). 08.04.1861–12.11.1862.
39. ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 183 (Статистические сведения по Бийскому, Каинскому, Мариинскому и др. округам за 1891 год). 1891. 964 л.
40. Обзор Томской губернии за 1888 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Тип. губернского правления, 1889. 47 [75] с.
41. Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб. : Полторак, 2013. 416 с.
42. Обзор Томской губернии за 1894 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1895. 48 с.
43. Бразников П.Н. Технология возделывания озимой ржи в северной таежной зоне. Томск, 2007. 14 с.
44. Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1892. 270 с.
45. Доклад об организации общественных работ в Оренбургской губернии // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 1. Д. 2900 (Материалы о работе Комиссии помощи голодающим при Президиуме / доклады, протоколы, ведомости, переписка и др./ Том 1). 02.01.1921–28.03.1922.

46. Страшная А.И., Максименкова Т.А., Чуб О.В. Агрометеорологические особенности засухи 2010 года в России по сравнению с засухами прошлых лет // Методический кабинет Гидрометцентра России. URL: http://method.meteorf.ru/publ/tr345/strash_d.pdf (дата обращения: 09.08.2017).
47. Обзор Томской губернии за 1883 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1884. 108 с.
48. Обзор Томской губернии за 1900 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1901. 48 с.
49. Обзор Томской губернии за 1901 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1902. 55 с.
50. Ведомость № 1. О посеве и урожае хлебов в Томской губернии за 1906 год // Обзор Томской губернии за 1906 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1907. 38 с.
51. Ведомость № 1. О посеве и урожае хлебов в Томской губернии за 1908 год // Обзор Томской губернии за 1908 год : Приложение к Всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск : Губернская тип., 1909. 65 с.
52. Юткина Анна Кондратьевна: 19.04.1894–22.03.1983. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14213 (дата обращения: 10.06.2018).
53. Карпинец А.Ю. Миграционные процессы на казенных землях Кузнецкого региона в «пореформенный» период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1 (73). С. 31–38.
54. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии (по данным произведенного в 1894 г., по поручению г. Томского губернатора, подворного исследования). СПб. : Тип. В. Безобразова и К°, 1895. Т. I. Описание отдельных поселков и поселенные таблицы, ч. I: Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Мариинского округа / Описания поселков и приселений Мариинского округа. 1895. 177 с.
55. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. Т. I, ч. I: Поселенные таблицы по Мариинскому округу. СПб., 1895. 177 с.
56. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. // Т. I, ч. II: Хозяйственное положение переселенцев в поселках и приселениях Томского округа / Описания поселков и приселений Томского округа. 1895. 140, 81 с.
57. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1895. Т. I, ч. II: Поселенные таблицы по Томскому округу. 140, 81 с.
58. Кауфман А.А. Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии. СПб., 1896. Т. II, ч. I: Итоговые и комбинационные таблицы. 150, 337 с.
59. Карпинец А.Ю. Крестьяне-переселенцы на государственных землях Кузбасского региона в последней четверти XIX века : статистический анализ экономического состояния домохозяйств // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 122–135.
60. Краткий сельскохозяйственный обзор Томской губернии за весенний период 1901 года по данным текущей статистики. Томск : Паровая типолитография П.И. Макушина, 1902. 51 с.

Alexey Yu. Karpinets, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: naukarpinets@mail.ru

Alexsandr Yu. Prosekov, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: rector@kemsu.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE GRAIN PRODUCTION IN EUROPEAN PART OF THE RUSSIAN EMPIRE AND KUZBASS REGION IN THE PERIOD OF THE END OF XIX – THE BEGINNINGS OF THE 20TH CENTURIES BASED ON INFORMATION MATERIALS OF GRAIN STATISTICS

Keywords: grain production, Kuznetsk region, period of «imperialism».

Research objective – identification of problems and features of grain production in the Kuznetsk region (Kuzbass) in comparison with the European provinces of the Russian Empire during the period of the end of XIX – the beginning of the 20th centuries. By the term «Kuzbass» we mean the term «Kuznetsk Region» – the space of the modern Kemerovo region which for the considered time included the most parts of territories of the Kuznetsk and Mariinsky counties and also the southern outskirts of the Tomsk county of the Tomsk province. Under the term «Russia» we mean 50 provinces of the European part of the Russian Empire.

The grain statistics of the Ministry of Internal Affairs collected by police and districts boards, processed by provincial statistical committee and bodies of provincial management and published in Supplements to imperial reports of the Tomsk governor was the main sources of information on the Kuznetsk region. Processing of the statistical data which are contained in «Sheets about crops and a harvest of bread» led us to drawing up tables on the 10-anniversaries of 1883–1892 / 1893–1902 / 1903–1912 years. In this case we adhered to methodology of the authoritative expert in the agrarian history of Russia of the academician of RAS L.V. Milov (1929–2007) who recommended to carry out studying of domestic agriculture of the XVIII – XIX centuries on the 10-year periods.

As a result of the conducted research it was succeeded to establish the following. First, it was established that in Kuzbass the cyclic repeatability of poor harvest years making so destructive impact on agricultural producers of the southern and southeast provinces of the European Russia was not observed. Problems of impoverishment of broad masses of country people owing to periodically happening poor harvests years, thus, in the considered time did not become relevant for inhabitants of the Kuznetsk region yet. At the same time with inclusion of the territory of Kuzbass in all-imperial space owing to carrying out the Trans-Siberian Railway, negative trends got here that was expressed in «the first Kuzbass famine of 1900/01 years». Secondly, it was succeeded to establish that if cyclic fluctuations of grain yields of cultures in Kuzbass were a little less expressed, than in Russia, then the level of productivity was approximately identical (near sam-5). At last, the research showed one of the general trends characteristic both for the Kuznetsk region, and for the country in general which consisted in reduction of crops, and, respectively, gross collecting a rye, and, on the contrary, increase in crops and gathering wheat and potatoes, and in Kuzbass it was shown more distinctly.

REFERENCES

1. Ermolov, A.S. (1909) *Nashi neurozhai i prodovol'stvennyy vopros* [Our crop failures and the food issue]. Part. 1. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
2. The Ministry of Higher Education of the USSR. (1954) *Order No. 229 on the Ministry of Higher Education of the USSR of April 19, 1954, "On the organization of the specialty "History" at Kemerovo Pedagogical Institute of the Ministry of Education of the RSFSR and on the termination of admission to the Stalin Pedagogical Institute in the same specialty*. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund R–104. List 1. File 10A. (In Russian).
3. Volchek, V.A. & Shcherbakova, Yu.S. (2006) *Zhiznennyy put' Z. G. Karpenko: chelovek, issledovatel'* [The life path of Z.G. Karpenko: a human, a researcher]. In: Volchek, V.A. & Adamenko, A.M. (eds) *Sibir' v istorii Rossii (k 100-letiyu Zinaidy Georgievny Karpenko)* [Siberia in the history of Russia (on the 100th anniversary of Zinaida Georgievna Karpenko)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
4. Kemerovo State Pedagogical Institute. (1954–1957) *Shtatnyy formulyar professorsko-prepodavatel'skogo sostava Kemerovskogo pedagogicheskogo instituta na 1956–57 uch. god* [The staffing of Kemerovo Pedagogical Institute faculty 1956–57 academic year]. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund R–104. List 1. File 11A.

5. Kemerovo State Pedagogical Institute. (1955–1956) *Otchet o rabote Kemerovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta za 1955 – 56 uch. god* [Report on the work of Kemerovo State Pedagogical Institute for 1955–56 academic year]. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund R-104. List 1. File 18A.
6. Karpenko, Z.G. (1957) Ob izuchanii istorii Kuzbassa [On the study of Kuzbass history]. *Voprosy istorii*. 6.
7. Kemerovo State Pedagogical Institute. (1958–1959) *Otchet o rabote Kemerovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta za 1958 – 59 uch. god* [Report on the work of Kemerovo State Pedagogical Institute for 1958–59 academic year]. Fund R-104. List 1. File 38.
8. Zabolotskaya, K.A. (2006) Zinaida Georgievna Karpenko i stanovlenie istoriografii industrial'nogo razvitiya Kuzbassa [Zinaida Georgievna Karpenko and the formation of the historiography of Kuzbass industrial development]. Volchek, V.A. & Adamenko, A.M. (eds) *Sibir' v istorii Rossii (k 100-letiyu Zinaidy Georgievny Karpenko)* [Siberia in the history of Russia (on the 100th anniversary of Zinaida Georgievna Karpenko)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
9. Redkin, P.K. (1977) *Preobrazhennaya derevnya. Sozdanie i ukreplenie material'no-tekhnicheskoy bazy sotsialisticheskogo sel'skogo khozyaystva v Zapadnoy Sibiri (192–1937 gg.)* [The Altered Village. Creation and Strengthening of the Material and Technical Base of Socialist Agriculture in Western Siberia (1929–1937)]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
10. Kirchik, O.I. (2011) Distitsiplinarnye granitsy kak granitsy simvolicheskie: sluchay agrarnoy ekonomiki [Disciplinary boundaries as symbolic borders: the case of the agrarian economy]. In: Shmatko, N.A. (ed.) *Simvolicheskaya vlast': sotsial'nye nauki i politika* [Symbolic power: social sciences and politics]. Moscow: Universitetskaya kniga.
11. Putin, V.V. (2017) *Obrashchenie po sluchayu Dnya rabotnika sel'skogo khozyaystva i pererabatyvayushchey promyshlennosti. 8 oktyabrya 2017 goda* [Address on the occasion of the Day of the Worker of Agriculture and Processing Industry. October 8, 2017]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55792> (Accessed: 10th May 2018).
12. Tomsk Governor. (1894–1913) *Vedomost' o poseve i urozhay khlebov v Tomskoy gubernii za 1883 – 1912 god* [The balance sheet on grain sowing and harvesting in Tomsk province for 1883–1912]. In: *Obzor Tomskoy gubernii za 1893–1912 god: Prilozhenie k Vsepoddanneyshemu otchetu Tomskogo gubernatora* [Overview of the Tomsk province for 1893–1912: Appendix to the All-Authentic Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
13. Milov, L.V. (2000) O nekotorykh metodologicheskikh aspektakh izucheniya agrarnogo rynka vtoroy poloviny XVIII – pervoy treti XIX vv. [On some methodological aspects of the study of the agricultural market in the second half of the 18th – the first third of the 19th centuries]. In: Karpov, S.P. (ed.) *Problemy istochnikovedeniya i istoriografii* [Problems of Source Study and Historiography]. Moscow: ROSSPEN.
14. Davydov, M.A. (2016) *Dvadsat' let do Velikoy voyny: rossiyskaya modernizatsiya Vitte-Stolypina* [Twenty Years Before the Great War: Witte-Stolypin's Modernization of Russia]. St. Petersburg: Aleteyya.
15. Lokhtin, P.M. (1901) *Sostoyanie sel'skogo khozyaystva v Rossii sravnitel'no s drugimi stranami: Itogi k XX veku* [The state of agriculture in Russia in comparison with other countries: Results by the 20th century]. St. Petersburg: The Ministry of Railways.
16. Obukhov, V.M. (1927) *Dvizhenie urozhayev zernovykh kul'tur v Evropeyskoy Rossii v period 1883 – 1915 gg.* [The movement of grain crops in European Russia in 1883–1915]. In: Groman, V.G. (ed.) *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii* [The influence of crop failures on the Russian national economy]. Moscow: Priboy.
17. Prosekov, A.Yu. (2018) *Problemy prodovol'stvennykh krizisov Rossii i opyt ikh resheniya* [Problems of food crises in Russia and their solutions]. Kemerovo: Kemerovo Technological Institute of Food Industry.
18. Davydov, M.A. (2010) *Vserossiyskiy rynek v kontse XIX – nachale XX vv. i zheleznodorozhnaya statistika* [All-Russian market in the late 19th – early 20th centuries and railway statistics]. St. Petersburg: Aleteyya.
19. Cherevanin, F.A. (1927) *Vliyanie kolebaniy urozhayev na sel'skoe khozyaystvo v techenie 40 let – 1883 – 1923 gg.* [Influence of crop fluctuations on agriculture for 40 years – 1883–1923]. In: Groman, V.G. (ed.) *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii* [The influence of crop failures on the Russian national economy]. Moscow: Priboy.
20. Finn-Enotaevesky, A.Yu. (1911) *Sovremennoe khozyaystvo Rossii (1890 – 1910 gg.)* [Modern Economy of Russia (1890–1910)]. St. Petersburg: Izdanie M.I. Semenova.
21. Groman, V.G. (ed.) (1927) *Vliyanie neurozhaev na narodnoe khozyaystvo Rossii* [The influence of crop failures on the Russian national economy]. Moscow: Priboy.
22. Prosekov, A.Yu. (2017) Famine in retrospect: past experience and future challenges. *Tekhnika i tekhnologiya pishchevykh proizvodstv – Food Processing: Techniques and Technology*. 47(4). pp. 5–20. (In Russian). DOI: 10.21603/2074-9414-2017-4-5-20
23. Prosekov, A.Yu. (2018) Scientific understanding of famine in the 18th – 20th centuries and the food policy in Russia. *Pishchevaya promyshlennost' – Food Processing Industry*. 1. pp. 30–34. (In Russian).
24. Nikolay – On (Danielson, N.F.) (1893) *Ocherki nashego poreformennogo obshchestvennogo khozyaystva* [Essays on our post-reform social economy]. St. Petersburg: Tipografiya A. Benke.
25. Prosekov, A.Yu. (2018) Pre-revolutionary, Soviet and modern legislation in the field of food policy. *Pishchevaya promyshlennost' – Food Processing Industry*. 3. pp. 32–35. (In Russian).
26. Ermolov, A.S. (1909) *Nashi neurozhai i prodovol'stvennyy vopros* [Our crop failures and the food issue]. Part. 2. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
27. Kabytova, N.N., Kabytov, P.S. & Kondrashin, V.V. (eds) (2014) *Agrarnaya istoriya XX veka: istoriografiya i istochniki* [Agrarian history of the 20th century: Historiography and Sources]. Samara: Samara State University.
28. Kornilov, G.E. (2008) Agrarnaya modernizatsiya Rossii v XX v.: regional'nyy aspekt [Agrarian modernization of Russia in the 20th century: a regional aspect]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik – Ural Historical Journal*. 2. pp. 4–14.
29. Kornilov, G.E. (2018a) Agrarian transition in Russia in the twentieth century: features, rates, results. *Istoriya nauki i tekhniki – History of Science and Engineering*. 1. pp. 36–50. (In Russian).
30. Kornilov, G.E. (2018b) Agrarian transition in Russia in the twentieth century: features, rates, results. *Istoriya nauki i tekhniki – History of Science and Engineering*. 2. pp. 78–92. (In Russian).
31. Aleksandrovsky, M.G. (1925) *Ocherk prirodnikh usloviy sel'skogo khozyaystva Tomskoy gubernii* [Essay on the natural conditions of agriculture in Tomsk province]. In: Aleksandrovsky, M.G. et al. *Ekonomicheskie ocherki Tomskoy gubernii: Tomskiy gubispolkom V gubernskomu S'ezdu Sovetov* [Economic essays of Tomsk Province: Tomsk Provincial Executive Committee of the Fifth Provincial Congress of Soviets]. Tomsk: Tomsk Gubispolkom.
32. Vaganov, N.A. & Ukhtomsky, A.P. (1886a) *Khozyaystvenno-statisticheskoe opisanie volostey Altayskogo okruga* [Economic and statistical description of the volosts of the Altai district]. [St. Petersburg]: [s.n.].
33. Vaganov, N.A. & Ukhtomsky, A.P. (1886b) *Khozyaystvenno-statisticheskoe opisanie volostey Altayskogo okruga* [Economic and statistical description of the volosts of the Altai district]. Part 3. [St. Petersburg]: [s.n.].
34. Tomsk Governorate. (1894) *Obzor Tomskoy gubernii za 1893 god: Prilozhenie k Vsepoddanneyshemu otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of Tomsk province for 1893: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
35. Karpinets, A.Yu. (2014) Agriculture in Kuznetsk and Mariinsk districts of Tomsk Province in the 1880s – early 1890s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3 – 2(59). pp. 201–209. (In Russian).
36. Karpinets, A.Yu. (2016) Peasant Land Use and Agriculture in Kuzbass in Post-Reform Period of 1860-ies – Beginning of 1890-ies: Problems and Peculiarities of Condition and Evolution. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 11(59). pp. 235–248. (In Russian).

37. Prosekov, A.Yu. (2018) Grain stocks system in pre-revolutionary Russia: its formation and development. *Pishchevaya promyshlennost' – Food Processing Industry*. 2. pp. 12–15. (In Russian).
38. Tomsk Governorate. (1861) *(Statisticheskie svedeniya po Tomskoy gubernii za 1861 g.: materialy k Prilozheniyu k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora / Polozheniya o gubstatkomitete, statsvedeniya po okrugam, tabeli o narodonaselenii)*. 08.04.1861 – 12.11.1862 [Statistical information about Tomsk province for 1861: materials for the Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor / Regulation on the Provincial Committee, statistics on the districts, tables of population]. 04/08/1861 – 11/12/1862]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 234. List 1. File 9a.
39. Tomsk Governorate. (1891) *Statisticheskie svedeniya po Biyskomu, Kainskomu, Mariinskomu i dr. okrugam za 1891 god* [Statistical information on Biysk, Kain, Mariinsky and other districts for 1891]. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund 234. List 1. File 183.
40. Tomsk Governorate. (1889) *Obzor Tomskoy gubernii za 1888 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of Tomsk Province for 1888: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Tipografiya gubernskogo pravleniya.
41. Ostrovsky, A.V. (2013) *Zernovoe proizvodstvo Evropeyskoy Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Grain production of European Russia in the late 19th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Poltorak.
42. Tomsk Governorate. (1895) *Obzor Tomskoy gubernii za 1894 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of Tomsk Province for 1894: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
43. Brazhnikov, P.N. (2007) *Tekhnologiya vozdeleyvaniya ozimoy rzhi v severnoy taezhnoy zone* [Technology of winter rye cultivation in the northern taiga zone]. Tomsk: [s.n.].
44. Ermolov, A. S. (1892) *Neurozhay i narodnoe bedstvie* [Crop failure and national disaster]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma.
45. Orenburg Governorate. (1921–1922) *Doklad ob organizatsii obshchestvennykh rabot v Orenburgskoy gubernii* [Report on the organization of public works in Orenburg Governorate]. The Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 3429. List 1. File 2900.
46. Strashnaya, A.I., Maksimenkova, T.A. & Chub, O.V. (n.d.) *Agrometeorologicheskie osobennosti zasukhi 2010 goda v Rossii po sravneniyu s zasukhami proshlykh let* [Agrometeorological features of the drought in 2010 in Russia compared to droughts in previous years]. [Online] Available from: http://method.meteorf.ru/publ/tr345/strash_d.pdf (Accessed: 9th August 2017).
47. Tomsk Governorate. (1884) *Obzor Tomskoy gubernii za 1883 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1883: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
48. Tomsk Governorate. (1901) *Obzor Tomskoy gubernii za 1900 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1901: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
49. Tomsk Governorate. (1902) *Obzor Tomskoy gubernii za 1901 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1901: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
50. Tomsk Governorate. (1907) *Obzor Tomskoy gubernii za 1906 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1906: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
51. Tomsk Governorate. (1909) *Obzor Tomskoy gubernii za 1908 god: Prilozhenie k Vsepoddanneysheму otchetu Tomskogo gubernatora* [Outline of the Tomsk province for 1908: Appendix to the All-Substantive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya..
52. Warheroes.ru. (n.d.) *Yutkina Anna Kondrat'evna: 19.04.1894 – 22.03.1983* [Yutkina Anna Kondratyevna: April 19, 1894 – March 3, 1983]. [Online] Available from: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14213 (Accessed: 10th June 2018).
53. Karpinets, A.Yu. (2018). Migration processes on the public lands of the Kuznetsk region in the “post-reform” period. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 1(73). pp. 31–38. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2018-1-31-38
54. Kaufman, A.A. (1895–1896a) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii (po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya)* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province (according to the data of 1894, commissioned by the Tomsk Governor, homestead research)]. St. Petersburg: V. Bezobrazov i K.
55. Kaufman, A.A. (1895–1896b) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii (po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya)* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province (according to the data of 1894, commissioned by the Tomsk Governor, homestead research)]. Vol. 1(1). St. Petersburg: V. Bezobrazov and K.
56. Kaufman, A.A. (1895–1896c) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii (po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya)* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province (according to the data of 1894, commissioned by the Tomsk Governor, homestead research)]. Vol. 1(1). St. Petersburg: V. Bezobrazov and K.
57. Kaufman, A.A. (1895–1896d) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii (po dannym proizvedennogo v 1894 g., po porucheniyu g. Tomskogo gubernatora, podvornogo issledovaniya)* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province (according to the data of 1894, commissioned by the Tomsk Governor, homestead research)]. Vol. 1(2). St. Petersburg: V. Bezobrazov and K.
58. Kaufman, A.A. (1896) *Khozyaystvennoe polozhenie pereselentsev, vodvorennykh na kazennykh zemlyakh Tomskoy gubernii* [The economic situation of immigrants settled on the state lands of Tomsk Province]. Vol. 2. St. Petersburg: V. Bezobrazov and K.
59. Karpinets, A.Yu. (2016) Peasant Settlers on State Lands of Kuzbass Region in the Last Quarter of XIX Century: Statistical Analysis of Economic Status of Households. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*. 9(57). pp. 122–135. (In Russian).
60. Tomsk Governorate. (1902) *Kratkiy sel'skokhozyaystvennyy obzor Tomskoy gubernii za vesenniy period 1901 goda po dannym tekushchey statistiki* [A brief agricultural outline of Tomsk province for the spring of 1901 according to current statistics]. Tomsk: Parovaya tipolitografiya P. I. Makushina.